

Санкт-Петербургский государственный университет

Восточный факультет

Кафедра японоведения

БРЕДИХИНА Виктория Евгеньевна

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ**

Уровень образования: бакалавриат

Направление 58.03.01 «Востоковедение и африканистика»

Основная образовательная программа СВ.5035.

«Востоковедение и африканистика»

Профиль: История Японии

Научный руководитель:

кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения СПбГУ

Аракава Ёсико

Рецензент:

Руководитель отдела по работе с персоналом, ООО «Группа Компаний новые
Энерготехнологии»

Татаренко Филипп Тарасович

Санкт-Петербург, 2022

СОДЕРЖАНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1-1.Понятие национализма.....	8
1-2.Особенности японского национализма.....	14
Глава 2: ИСТОКИ НАЦИОНАЛИЗМА В ЯПОНИИ.....	18
Глава 3: НАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ.....	29
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	42
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ:.....	47

ВВЕДЕНИЕ

Начало XXI века стало крайне нестабильным временем как в международной экономике, так и в политической сфере. Факторов, обусловивших течение этих процессов, много, но одним из самых значимых можно считать очередной виток развития националистической идеологии. Так как национализм — феномен крайне спорный по своей сути, в научном сообществе мнения, касающиеся его проблематики, кардинально расходятся.

Если говорить о ключевых понятиях, использованных в работе, термин «национализм» впервые был использован немецким философом Иоганном Гердером (1744-1803). Гердер в числе первых приступил к разработке теории национального государства, которую он выводил из теории естественного права. Одним из таких прав Гербер считал принадлежность человека к определенной нации. Однако теория носила исключительно пацифистский характер. Любой намек на агрессию и экспансионизм вызывал у философа ужас, ведь такое государство, по его мнению, неизбежно деструктивно влияло на национальную культуру¹.

Британский социолог Энтони Гидденс в своей книге «Государство – нация и насилие» большое внимание уделяет объяснению связей между понятиями «государство» и «нация», подчеркивая, что государство — это «территориально ограниченное национальное образование, опирающееся на военную силу», а нация «есть общность, существующая на четко ограниченной территории, которая подчиняется единой администрации, рефлексивно контролируется внутригосударственным аппаратом»². То есть, в теории Гидденса нация определяется своими политическими функциями, но не культурными.

¹ Жирмунский В. Жизнь и творчество Гердера // Жирмунский В. Очерки по истории классической немецкой литературы. — Л., 1972. — с. 209—276.

² Giddens A. The Nation-state and Violence. — Cambridge: Polity Press, 1985. — p.116.

Прежде чем делать какие-либо попытки классифицировать японский национализм, имеет смысл сначала обратиться к самому понятию «национализм» и определению его особенностей в контексте истории его изучения.

В связи с существующими стереотипами, при упоминании национализма, как правило, сразу возникают вопросы: несет ли национализм как идеология опасность и без того беспокойной мировой обстановке? В какой степени национализм соотносится с нацизмом? Каковы причины, по которым человечество вновь и вновь обращается к национализму на разных этапах своего развития? На них исследователи дают совершенно разные, часто противоречащие друг другу ответы.

Что касается Японии, о которой и пойдет речь в данной работе, следы националистической идеологии в этой стране проследить можно уже в периоде Мэйдзи, а последовавшая за ним агрессивная экспансионистская политика Японии в Азии и наполненный войнами двадцатый век, завершившийся превращением Японии в попавшее в прямую зависимость от США государство, и вовсе открывают широкий простор для исследований.

Прикладная актуальность данной работы обусловлена резкими всплесками националистических настроений в мире, и, в частности, в Японии, подтверждением чего может стать политика бывшего премьер-министра 安倍晋三 Абэ Синдзо³, не раз проявившего стремление к расширению военной роли Японии в Азиатском регионе, всячески стараясь сблизиться с НАТО и укрепить отношения с США как с главным военно-политическим союзником — гарантом стабильности международного положения Японии.

³ Здесь и далее японские имена будут указываться в соответствии с японским стандартом, т.е. сначала фамилия, затем — имя.

Если говорить о научной актуальности, в последние годы в самой Японии и во всем мире, в частности — в России, появляется все больше и больше работ о японском национализме, в которых ставятся вопросы теоретизирования идеологии, определения ее ключевых черт и особенностей, проведения параллелей внутри сложного религиозно-мифологического комплекса Японии. Широко обсуждаются и вопросы дальнейшего развития национализма в Японии и возможные последствия его активизации.

Ряд теоретиков, к примеру, британский историк и социолог Энтони Смит, убеждены в том, что японский национализм начнет угасать, а со временем и вовсе примет не узнаваемую форму. Однако так или иначе она все равно продолжает активно развиваться и радикализироваться.

Цель данной работы — опираясь на исследования на русском, английском и японском языках, найти ответ на вопрос о положении националистической идеологии в современной Японии, обнаружив истоки ее становления и некоторые ключевые особенности.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть особенности национализма как идеологии;
- выделить особенности японского национализма как частного случая идеологии национализма;
- рассмотреть поочередную смену характера идеологии на пути ее формирования;
- выделить факторы, которые способствуют возвращению национализму на политическую арену Японии в XXI веке.

Объектом исследования является японский национализм, а в качестве предмета исследования выступают исторические, политические и идеологические пути его развития в Японии.

Для написания работы применялись историко-типологический и историко-системный методы исследования.

Что касается структуры работы, она включает в себя введение, три главы, заключение и список использованной литературы. Во введении раскрывается научная и прикладная актуальность исследования по выбранной теме, ставится проблема, цель и задачи исследования, определяется объект, предмет научных поисков. В первой главе подробно говорится как об особенностях национализма в целом, так и об особенностях японского национализма как его частного случая. Вторая глава обращается к поискам истоков национализма в Японии и прослеживанию общего хода его развития. Третья глава полностью посвящена анализу национализма в современной Японии, причинам нового всплеска развития идеологии, рассуждениям на тему возможных последствий для страны. В заключении проанализированы основные выводы и полученные результаты.

Что касается разработанности темы, тему японского национализма и японского национального характера можно назвать хорошо разработанной, однако субъективность ее восприятия, некоторые особенности японской культуры и множество спорных исторических фактов, напрямую связанных с ними, затрудняют изучение национализма прежде всего в самой Японии.

В русскоязычном пространстве существует большое количество работ, комплексно рассматривающих процесс становления и развития национализма в Японии. В частности, при написании работы были использованы сборник «Япония в эпоху великих трансформаций», написанный под редакцией Стрельцов Д.В., и «Японский национализм (идеология и политика)» под авторством М.И. Крупянко и Л.Г. Арешидзе, делающие упор на рассмотрение японского национализма в его историческом контексте.

Что касается исследования пути трансформации национализма, следует отметить крупную англоязычную работу профессора Кевина Доака «А

history of nationalism in modern Japan: placing the people», в которой автор представляет результаты своих многолетних исследований в области японского национализма, разбирает ошибочные, на его взгляд, концепции и подходы к этой проблеме. Кроме того, были использованы и различные исторические монографии и учебники, позволяющим сопоставить ход исторических событий с царящими в обществе настроениями и тенденциями. Подобное параллельное наблюдение необходимо при изучении столь глобальных и комплексных феноменов, как национализм.

При написании работы активно привлекались различные справочники и работы, целью которых является типологизация обширной базы информации, ликвидирование пробелов в понимании некоторых политических идеологий и систем (в том числе, национализма), а также общее описание национализма и связанных с ним концепций без углублений в субъективное восприятие, что чрезвычайно важно для формирования собственного видения проблемы.

В третьей главе работы идет речь о состоянии национализма в Японии в наши дни — в XXI веке, именно поэтому большая часть использованных материалов — это газетные и журнальные статьи, написанные японскими авторами, которые, во-первых, изобилуют количеством статистической информации, в том числе социальными опросами, интервью и так далее; во-вторых, хорошо отражают существующие в современном для нас информационном поле мнения специалистов о японском национализме.

Глава 1: ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

1-1. Понятие национализма

«Национализм» — сложное абстрактное понятие, которое ассоциируется с крайне неоднозначными явлениями в мировой истории, что неизбежно привносит в изучение этого феномена некий элемент субъективной оценки.

В мировом научном сообществе существует несколько основных взглядов на природу национализма: модернизм — теория, согласно которой расцвет индустриальной реальности и капитализма стали своеобразным толчком для развития национализма; примордиализм, который утверждает, что прототипы «наций» и «национализма» существовали с самого появления человечества и в принципе являются неотъемлемой частью антропогенеза; и перенниализм — теория, согласно которой появление национализма связано не столько с экономическим развитием, сколько с культурной составляющей этнической принадлежности, которая своими корнями уходит в относительно древние периоды и отождествляется с национальным самосознанием определенной национальной группы⁴.

Энтони Смит — автор одной из крупнейших по сей день работ о национализме, в ходе рассуждений множество раз соглашается с теорией «модернистов», пытаясь все же разместить ее в рамках перенниализма. Ученый естественным образом обращается и к теориям других исследователей, в частности к Фредерику Барту и его последователю Джону Армстронгу — автору работы «Nations before Nationalism». Однако с перспективным подходом Джона Армстронга Смит не согласен, считая утверждения о том, что нации определяются социальными границами,

⁴ Smith A.D. Nationalism and Modernism.. — Routledge, 1998. p. 288.

несостоятельными, ведь тогда они не укладываются в концепцию перенниализма. От взглядов Бенедикта Андерсона, который считал, что нация — продукт человеческого сознания, не что иное как конструкт, позиция Энтони Смита, полагавшего, что понятие «нации» в исторической канве событий было не «сконструировано», а скорее возрождено и «реконструировано» сильно отличалась. Национализм рассматривается как некая эволюционировавшая форма социальной когерентности, которая существовала в обществе всегда, которая со временем подстроилась под новые исторические реалии и видоизменилась.

В книге уделяется много внимания как различным определениям нации, так и социально-политическим и экономическим предпосылкам образования конструкта «нации». На основании всех приведенных данных, Смит выделил для себя три типа национальных объединений: вертикальный⁵ — распространение «идеологии сверху вниз», горизонтальный⁶ — местная интеллигенция — ядро мобилизации, смешанный⁷ — нация имеет большой процент мигрантов.

Конечно, в науке на данный момент существует достаточно самых разных классификаций национализма: К.Хон, развивая идеи Ф.Мейнеке — одного из первых ученых, который так или иначе пытался создать типологию национализма, говорил о существовании гражданского и этнического национализма⁸. До сих пор выделение этих двух видов националистической идеологии можно часто встретить в самых разных научных работах, однако иногда они трактуются как политический и культурный национализмы, что в принципе по сути полностью совпадают с приведенными ранее наименованиями.

⁵ Anthony D. Smith. Nationalism and Modernism. — Routledge, 1998. - p. 352.

⁶ Ibid.p.352.

⁷ Ibid.p.354.

⁸ Kohn H. The Idea of Nationalism. — Washington, 1994. № 3. — p.419.

Среди российских ученых также есть исследователи, занимающиеся разработкой этой темы, например, Л.Дробужева, которая в своей классификации выделяет имперский национализм, макрорегиональный, макрорегиональный виды идеологии, очевидно принимая за критерий оценки процессы ассимиляции этнических групп⁹.

Учитывая большое количество взглядов на природу национализма, его характер, его происхождение, довольно тяжело, а быть может и вовсе не представляется возможности дать этому явлению точное определение. Стоит упомянуть и о том, что многие существующие определения национализма явно делают акцент на его разрушающую природу, совершенно не принимая во внимание тот факт, что национализм не только стал одной из главных причин Первой и Второй Мировых войн, разразившихся в конце XX века, распада Украины, Каталонского вопроса, израильского конфликта и многих других событий. Так или иначе, национализм был частью многих успешных историй стремительного экономического и политического роста страны. И речь в данном случае идет прежде всего об Азиатском регионе, в частности, о Японии.

Вернемся к типологии национализма. Если нацию определять как «согражданство с общими самосознанием и историко-культурным наследием»¹⁰, то мы имеем дело с гражданским национализмом, возникшим в эпоху буржуазных революций. Эта форма национализма идеологически направлена на консолидацию нации внутри государственного образования и конечно на обоснование легитимности возникновения и существования того или иного государства. В свою очередь, уже внутри гражданского национализма принято выделять

⁹ Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2006. — сс.185-187.

¹⁰ Ярцев В.Н. Большая Российская Энциклопедия. - 2-е изд. [Электронный ресурс].— Национализм — Режим доступа: <https://bigenc.ru/>, свободный.

либеральный — патриотические нравственные категории ставятся выше общечеловеческих норм и государственный — не признает независимые права индивида, все должно быть направлено на поддержание могущества государства¹¹.

Если же мы рассматриваем «нацию» как «высшую форму этносоциального организма»¹², то речь идет об этническом национализме, который возник в эпоху господства эволюционизма и этно-расовых теорий. Основывается он на урезанных трактовках исторических событий и конфликтных культурных интерпретациях, содержит антиэтатические установки. Этнический национализм подразделяется на культурный — легитимность государства исходит от его способности развивать культурную жизнь нации и примордиальный этнический — национальность рассматривается как изначальная данность человека. В этом смысле, очень важно разграничивать национализм с национал-социализмом, так называемым нацизмом, — крайней формой развития этнического национализма, направленного на достижение преимуществ в сфере доступа к мировым ресурсам для представителей одной «исключительной» расы¹³.

Одним из ключевых вопросов этой работы можно назвать вопрос типологизации японского национализма, однако сделать это не так просто в связи с некоторыми особенностями японского языка.

В случае с японским языком для обозначения термина «национализм» существует три различных слова: *кокумин-сюги* 國民主義, *миндзоку-сюги* 民族主義 и *кокка-сюги* 國家主義¹⁴. Третий термин, *коккасюги*

¹¹ Тишков В.А. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс].—Национализм — Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc>, свободный.

¹² Ярцев В.Н. Большая Российская Энциклопедия. - 2-е изд. [Электронный ресурс].— Национализм — Режим доступа: <https://bigenc.ru/>, свободный.

¹³ Тишков В.А. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс].—Национализм — Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc>, свободный.

¹⁴ Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика). — М., 2012., с. 48.

все-таки корректнее переводить как этатизм или статизм — убеждение, согласно которому вмешательство государства во все сферы жизни общества рассматривается как высшая ступень развития государства и общества¹⁵. Вероятнее всего, все три термина используются для выделения доминирования той или иной сути внутри понятия «национализм». *Миндзоку-сюги* рассматривает политический национализм, подразумевающий, что японцы — политическая нация, и легитимизирующий ее существование. *Кокумин-сюги* — культурный национализм, обосновывающий уникальность японского этноса. *Кокка-сюги* в свою очередь рассматривает японское государство как высшую форму организации японской нации¹⁶.

Профессор Токийского университета, человек, который внес неоценимый вклад в изучение японского национализма, 丸山 眞男 Масао Маруяма заимствовал у своего немецкого коллеги Фридриха Мейнеке особый подход к понятию «нация»: «нация как этническая категория» и «нация как политическая категория», именно поэтому Масао Маруяма в разработке своей теории использовал термины *кокумин* и *кокумин-сюги*, тем самым определив для себя культурную суть нации как первоочередную¹⁷. По мнению профессора Маруяма, термин *миндзоку-сюги* используется японскими учеными для того, чтобы подчеркнуть расовую идентичность, лежащую в основе понятия национализм. Однако есть ли смысл делать такой акцент в исторически гомогенном обществе? *Кокка-сюги* же традиционно воспринимается японцами как антоним «индивидуализма», что также может вводить в заблуждение. Исходя из

¹⁵ Levy J.D.. The state after statism : new state activities in the age of liberalization. — Cambridge, 2006. — p.469.

¹⁶ Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика). – М., 2012., С. 48.

¹⁷ Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г. Япония: идеология государственного национализма. – 2010, С. 46.

всего вышесказанного, термин *кокумин-сюги* представляется наиболее приемлемым японским эквивалентом западного термина «национализм».

Диаметрально противоположного мнения придерживался выпускник Токийского университета, профессор Йогогамского университета, 遠山 茂樹 Тояма Сигэки. Он, в отличие от своего коллеги, в центр своей теории поставил этнический аспект национализма — *миндзоку-сюги*. Тояма в своих многочисленных работах пытался определить границы «разных национализмов» Японии, выделяя *айкоку-сюги* как патриотизм, *миндзоку-сюги* как народный национализм, *кокка-сюги* как государственный национализм, и наконец *кокумин-сюги* как национализм этнический. Однако важно отметить, что Тояма Сигэки прежде всего интересовался национализмом как политическим инструментом, он не уделял большого внимания изучению свойств каждого из подвидов этого феномена отдельно. Часто для избежания путаницы, он употреблял термин-гайрайго *насёнаридзуму* ナシヨナリズム, объединяя таким образом все виды национализма в единую сущность для избежания подмены смыслов.

Несмотря на то, что не существует единого мнения касательно соответствия японских терминов существующим в мире классификациям национализма, все эти термины отражают разные его аспекты, предоставляя возможность порассуждать над возможными их коннотациями. В этом смысле, наличие единого мнения в научном сообществе, пожалуй, не представляется сколько-нибудь важным.

1-2. Особенности японского национализма

На природу японского национализма, как уже было отмечено ранее, существует большое количество диаметрально противоположных взглядов. Например, в статье «Япония: идеология государственного национализма» М. И. Крупянко и Л. Г. Арешидзе дали следующее определение национализму: «Японский национализм – это особый идеологический конструкт, давно созданный правящими элитами с целью удовлетворения внутренних и внешних потребностей нации, ее специфических интересов»¹⁸. В данной интерпретации японский национализм изначально воспринимается как искусственно внедрённая сверху идея, основанная на патриотическом чувстве собственной исключительности, эксплуатируемая для успешного ведения внешней и внутренней политики.

Автор данной работы наиболее приемлемым видит рассмотрение японского национализма в рамках модернистской теории, согласно которой национализм появился в Японии именно как инструмент адаптации к новой системе международных отношений, призванный мобилизовать нацию с помощью наступательной идеологии, имеющей достаточную консолидирующую мощь¹⁹. Именно этот подход к пониманию японского государственного национализма позволяет выделить его первую важную черту: существует он по большей части как искусственно внедрённая система ценностей, фактически не отделяясь от государства и не развиваясь как самостоятельная идеология²⁰.

Вторая важная черта японского национализма — государственная направленность и политичность целей его реализации. Как известно, более

¹⁸ Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г. Япония: идеология государственного национализма. — 2010. с. 16.

¹⁹ Armstrong J. Nations before Nationalism. - Chapel Hill NC: University of North Carolina Press, 1982. (Цит. по Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г. Япония: идеология государственного национализма. — с.186).

²⁰ Heywood, A. Political Ideologies. An Introduction. Ch. 1. 4th ed. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. (Цит. по Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г. Япония: идеология государственного национализма. — с.185)

97% населения Японии составляют японцы²¹, что, конечно, сильно способствовало успешному внедрению идеологии в стране. В истории японского национализма как политической практики в принципе не было ни единого случая политических конфликтов по национальному признаку. Ситуацию с айнами и рюкюсцами к таковым отнести нельзя прежде всего из-за того, что происходили они задолго до второй половины XIX века - времени, когда японский национализм как идеология сформировался.

В-третьих, политический национализм в Японии развивался как интегральный, то есть цель, стоящая перед государством во внешней политике, абсолютно отождествлялась с целью, стоявшей перед каждым японцем²². Здесь нужно иметь в виду, что в рамках японского национализма достаточно тяжело выделить индивидуума из национальной общности, а нацию отделить от государства.

Интересно и то, что характер японского национализма полностью отражает основные принципы поведения Японии на международной арене. Фукудзава Юкити – виднейший японский просветитель, основатель университета Кэйо — говорил, что «осторожное сближение» и «просвещенное международное лидерство» — это два фундаментальных постулата, на которых основывается государственный национализм²³. Можно говорить о том, что с модернизацией Японии удалось гармонично влиться в мировое сообщество на рубеже XIX-XX веков. Как раз в это время стало понятно: японское самосознание кардинально отличается от американского или английского, но имеет много схожего с немецким и

²¹ Кокусэки тикибэцу дзайрю: сикаку (дзайрю: мокутэки) бэцу дзайрю: гайкокудзин «国籍・地域別 在留資格 (在留目的) 別 在留外国人». (Иностранные резиденты в Японии по национальности и региону проживания (цели проживания)) докурицугё:сэйхо:дзин то:кэй сэнта 独立行政法人統計センター (Национальный статистический центр) [Электронный ресурс]. URL: www.e-stat.go.jp/stat-search/. (Дата обращения: 29.12.2021).

²² Тишков В.А. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс].—Национализм — Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc>, свободный.

²³ Михайлова Ю. Д. Общественно-политическая мысль в Японии 60 - 80- х гг. XIX в. — М., 1991. — с.182-185.

итальянским. Именно поэтому либеральный, популистский и антиэкспансионистский национализм коснулся Японии по касательной, а авторитарный императорский национализм хорошо прижился и «пустил корни».

Учитывая все вышесказанное, можно сказать, что в целом японский национализм носит комплексный характер. Само государство напрямую заинтересовано в поддержании разнообразия националистических идей и форм их реализации. В тоже время, национализм в Японии имеет много общего с национализмом, представленном в ряде европейских стран. Взять хотя бы национальный экстремизм 1930-х годов, а также тенденцию 1960-х в сторону отстаивания независимости национальных меньшинств в границах государств-наций: в случае с Японией, это айну и рюкюсцы.

В последнее время было опубликовано большое количество работ о «возрождении японского национализма» или об активизации японского нео-национализма. Однако события Второй мировой войны и в целом обособленный характер развития японской истории вызывает большое количество затруднений и несостыковок в изучении этой темы. Во-первых, со времени окончания Второй мировой войны не прошло и 100 лет, поэтому объективно оценивать эти события пока не представляется возможным. Во-вторых, морально-этические особенности и последствия действий империалистически настроенной Японии вызывают антипатию, а поэтому существенно затрудняют изучение национализма. Вместо того, чтобы смотреть на национализм исключительно как на политический концепт и причину неудачных решений во внешней политике Японии, стоит определиться с тем, откуда пришел этот национализм и почему вдруг он начал принимать столь радикальные формы.

Прежде всего, внимание стоит обратить на терминологию. В работах на русском и английском языке наблюдается частое использование слов «национализм» и «nationalism» соответственно. В связи же с некоторыми

особенностями японской культуры, в японском языке для обозначения «нации» есть два слова: миндзоку и кокумин, поэтому и национализму в большей степени соответствуют два японских термина — *кокумин-сюги* и *миндзоку-сюги*. Термин *кокка-сюги*, который часто переводят как национализм, точнее будет перевести этатизм, так как корень слова кокка может переводиться скорее как «государство», а не «нация».

Нация как миндзоку подразумевает собой этническую общность людей, в то время как кокумин — политический юнит людей. В английском языке национализм имеет лишь один эквивалент — «nationalism», поэтому оттенки смысла, таящиеся в плюрализме терминологии в японском языке, принято передавать с помощью понятий «cultural nationalism», «political nationalism», «civil nationalism» и некоторыми другими неологизмами.

Уже на этом этапе понятно, что подобные лингвистические расхождения не только отображают разницу в понимании концепции национализма, но и затрудняют передачу этой разницы в научных работах.

Суммируя вышеизложенное, национализм — концепция, которая находится в активной разработке у ученых всего мира. Существует множество трактовок различных аспектов национализма, и нет единого мнения касательно его природы и происхождения. В рамках прослеживания общих тенденций развития национализма в Японии и его влияния на развитие Японии в XXI веке эти расхождения не имеют большого веса.

Перед тем как обратиться к изучению современного состояния национализма в Японии, имеет смысл сначала проследить истоки его появления и развития, ведь как и любая другая идеология национализм изначально существовал в форме рассуждений на тему поиска идентичности в рамках этико-философского восприятия мира.

Глава 2: ИСТОКИ НАЦИОНАЛИЗМА В ЯПОНИИ

Современное государство Япония в том виде, каким мы знаем его сейчас, не существовало вплоть до Революции Мэйдзи — комплекса реформ, в ходе которых правительству удалось запустить процесс превращения отсталой страны в передовую державу, ставшую в один ряд с международными лидерами.

При изучении такого абстрактного и неоднозначного понятия как национализм, необходимо постоянно делать поправку на разницу в реалиях нашего времени и времени изучаемого периода. Зачастую желание вычлнить из контекста понятия, близкие к сегодняшним по смыслу, приводит к неверному толкованию понятий. Именно поэтому любым возможным образом следует избегать анахронизма и проецирования современных представлений о национальной идентичности на средневековую Японию.

В силу некоторой особенности японской историографии, японские ученые-историки на протяжении вот уже более 100 лет всеми силами стараются сохранить образ исторической преемственности, тем самым сохраняя прочный фундамент для легитимизации существующей в настоящее время идеологической основы японского государства. В этих попытках, истоки японской национальной идентичности — истоки зарождения националистической идеологии Японии, в наше время все чаще принято искать в раннем Эдо²⁴ — времени, когда коммодор Перри²⁵ еще не прибыл, а культурные компромиссы, ставшие результатом так называемой «вестернизации», еще не вмешались в ход японской истории.

²⁴ 江戸時代 *эдо-дзидай* — исторический период (1603—1868) Японии, время правления сёгуната Токугава.

²⁵ Коммодор Перри - американский адмирал, возглавлявший эскадру военных кораблей, прибывших к берегам Японии с целью переговоров и последующего подписания договора о торговле между Японией и США, таким образом оказав содействие завершению более чем двухсотлетнего периода, в течение которого Япония вела торговлю исключительно с Китаем и Голландией.

В этом смысле возникает множество сопутствующих вопросов, ведь как известно ряд теоретических комплексов, в том числе марксизм, утверждают, что говорить о появлении и становлении национализма как идеологии невозможно в условиях аграрного феодального государства. Именно поэтому в рамках националистического нарратива кардинально меняется взгляд на возможность присутствия капиталистической составляющей в социально-экономической жизни Японии в период Эдо и роль Революции Мэйдзи, которую традиционно считают решающим фактором в политическом, экономическом, технологическом прорывах Японии.

Так что же представлял собой хорошо известный всем японский архипелаг до XIX века? На территории нынешней Японии государственность существовала в самых разных формах: одни племена сменялись другими, затем они объединялись в крупные племенные союзы, воевали, усложняли свою структуру и подбирались вплотную к тому, что в современной науке принято называть термином «государство».

Самые ранние письменные упоминания о топониме 日本 *нихон* «Япония» приходятся на переписку между принцем Сётоку и императором Китая династии Суй в 608 году н.э. В своем письме Сётоку написал следующие слова: «Сын Неба, правящий в стране Восходящего Солнца, посылает это письмо Сыну Неба, правящему в Стране Заходящего Солнца...»²⁶. Конечно такая метафоричность была обусловлена далеко не географическим расположением двух стран, а предельно ясным политическим контекстом: Япония таким образом представлялась не как «земля варваров», а как вполне самостоятельное государство, претендующее на соперничество с могущественным Китаем. Важно понимать и то, что отсылка к месту, где «восходит солнце» была

²⁶ Weston Mark. *Giants of Japan: The Lives of Japan's Greatest Men and Women*. — New York, 2002. — p.127.

применена именно к императорскому двору, а если точнее, к самому императору Сётоку и его свите.

Любопытен и тот факт, что сами японские ученые, в том числе и 鹿野政直 Кано Масанао, говорят о том, что упоминание названия «Япония» в судебных документах VII века совсем не является признаком того, что у населения Японии того времени существовало хоть какое-то осознание себя как части единого государства²⁷. Как уже было сказано ранее, сама природа национализма подталкивает людей, изучающих его, к пренебрежению к поправкам на разницу в этнической и политической однородности, степени политической централизации, представлении о национальной идентичности в принципе, масштабе осведомленности о политической обстановке в мире и так далее.

На социально-политическую картину мира в Японии до периода Мэйдзи серьезное влияние оказывал философско-религиозный комплекс. Конфуцианская концепция Тэнка²⁸ стояла в центре политического мира, представляя собой относительно расплывчатое понятие публичного пространства. В отличие от современного понятия нации, национальности и государства, оно не подразумевало четкого деления на страны и национальности. Термины 国家 *кокка* или 国 *куни*, которые после Революции Мэйдзи стали применяться к обозначению государств — суверенных политических единиц, в средние века применялись для обозначения первичных политических единиц в рамках феодальной системы 幕藩体制 *бакухан тайсэй*²⁹.

²⁷ Кано Масанао. Киндай нихон сисо: аннай (Путеводитель по современной японской мысли). — Токио, 1999. — с. 30.

²⁸ 天下 Тэнка — это понятие, означающее территорию, народ или нацию, которые подчиняются определенному принципу порядка мироздания. Иными словами, в то время как существование «сэкай» (мира) признается объективно, «тэнка» существует идеологически на основе мировоззрения конфуцианства.

²⁹ Ravina Mark. Land and Lordship in Early Modern Japan. — Stanford, 1999. — p. 31.

Возвращаясь к разговору об исторической преемственности, к которой так упорно стремятся японские историки, в научном сообществе часто бытует мнение о том, что именно Революция Мэйдзи стала началом абсолютно новой главы в истории Японии. Однако так ли все было на самом деле?

Один из видных японских ученых, занимающихся разработкой проблемы национализма, 坂本 多加雄 Сакамото Такао серьезно задается вопросом: правда ли, что современная Япония — результат лишь поверхностного «наслоения» опыта развития Западных держав на традиционный японский базис³⁰? Для поиска ответа на этот вопрос, вероятно, одной научной работы недостаточно, однако сама эта формулировка наводит на мысль о том, что корень национального самосознания зарыт глубоко в культурном, традиционном «слое», намного глубже относительно свежего западного налета Революции Мэйдзи.

Если говорить точнее, ключ к его поиску лежит в понимании того, как люди ощущали себя и мир вокруг себя, как они видели свое окружение в заданном историческом контексте и так далее. Выявление структур, повлиявших на формирование социальной и политической идентичности японского населения эпохи Эдо, а также выделение их отличий от представлений более поздних исторических периодов, необходимы для более четкого понимания особенностей мира, организованного вокруг конфуцианского взгляда на политическое устройство, а не вокруг современной концепции суверенного государства; а следовательно особенно полезны в контексте прослеживания истоков национализма в Японии.

Резкий контраст между эпохами Эдо и Мэйдзи, подогревающий интерес к модернистским нарративам, зачастую создает впечатление о том, что движение к формированию национальной идентичности, равно как и

³⁰ Сакамото Такао. Мэйдзи кокка-но кэнсэцу (Построение государства Мэйдзи). — Токио, 1996. — с.23.

любые другие политические изменения, происходили непременно «сверху вниз». На самом же деле, предпосылки к формированию этой самой национальной идентичности появились глубоко в недрах японского общества: в среде ученых-самураев и интеллектуальной элиты, примерно за 100 лет до начала событий, называемых Революция Мэйдзи.

Идеологи национальной теории 国学 *кокугаку*, в частности 本居 宣長 Мотоори Норинага с комментариями к Кодзики 古事記伝 *кодзи кидэн*, сыграли неосцимо важную роль в подрыве конфуцианского порядка, впервые разграничивая земли императора 御国 *микун* и иностранные владения 韓国 *каракуни*, таким образом осознанно отделяя себя от остального мира.

Что же касается дальнейшей судьбы *кокугаку*, открытие Японии Западу стало своеобразным толчком для ее преобразования. Как писал упоминавшийся ранее Кано Масанао: «Открытие Запада означало и открытие Японии»³¹.

Прибытие иностранных кораблей к берегам Японии в конце XVIII века создало некую потребность в общей защите от внешней угрозы: в условиях новой реальности логичнее всего было сплотиться, чтобы быть в силах противостоять иностранцам, намерения которых японцам тяжело было считать. Таким образом постепенно теория *кокугаку* стала приобретать националистические черты.

Примечательно то, что уже в 1786 году 林子平 Хаяси Сихэй, в 海国兵談 *Кайкоку Хэйдан* упоминает Японию как единую страну, которую вполне себе можно противопоставить иностранным державам и вписать в структуру международного политического взаимодействия как «государство». Хаяси Сихэй также активно высказывал свое недовольство любыми возможными взаимодействиями с иностранцами и даже призывал любыми способами прекратить их активное «вторжение». В дальнейшем

³¹ Кано Масанао. с. 30.

многие деятели того времени подхватили эту идею и стали развивать ее в дискурс, получивший название 鎖国論 *сакокурон* — размышления об открытии Японии иностранным державам. Само по себе возникновение этого дискурса для Японии знаменовало начало новой эпохи общественного пространства, в которой представляется возможным обсуждение политических решений, монополия на которые до этого момента принадлежала лишь бакуфу.

志筑 忠雄 Сидзуки Тадао, который в 1801 перевел отрывки из дневника Энгельберта Кемпфера «История Японии», и 会沢 正志斎 Аидзава Сэйсисай, который в 1825 году написал трактат 新論 *синрон* «Новые предложения» призывали к острой необходимости защитить не только императорский двор, но и всю Японию от иностранной угрозы. Впервые в истории Японии страну как единое территориальное образование с населением стали отождествлять с институтом политической власти³².

Аидзава в своих размышлениях старался как можно теснее сплести *кокутай* с его первоначальной конфуцианской теоретической базой, выделяя императора как единственно возможную легитимную фигуру правителя, а само существование Японии как единой страны со своим собственным единым населением служило своеобразным ее подтверждением: империя не может существовать без императора, а император без империи. Таким образом, уже в теории Аидзава центральное место занимал император. Позже идеологи Мэйдзи заимствуют этот тезис у Аидзава, отдав дань исконно японской традиции научной мысли.

Интересно отметить, что изначально сама по себе теория *кокугаку* не представляла собой идеологии обожествления императора. Акцент делался скорее на идею божественного происхождения императора от

³² Кано Масанао. сс. 30-32.

神武天皇 *Аматэрасу о:миками* и 天照大御神 *Дзимму тэнно:*. На протяжении всего периода Эдо, Аматэрасу конечно занимала довольно важную роль в философско-идеологическом комплексе Японии, но именно после прибытия эскадры коммодора Перри, культ Аматэрасу стал набирать новые обороты в рамках упомянутого выше поиска идентичности в прошлом опыте.

Революция Мэйдзи, пожалуй, стала самым подходящим историческим контекстом для возникновения национализма как результата циркуляции общественного мнения вокруг политической, социальной и культурной идентичности японцев как нации. Одной из главных причин для этого стало возникновение новой концепции «общественного пространства». Как уже было сказано ранее, императорский двор в исторической традиции Японии на протяжении многих веков отделялся от всего остального населения Японии, а практика включения общественного мнения в политическую жизнь страны была крайне скудной. В частности, к таковым можно отнести, заседания правительства 太政官 *Дайдзё:кан* в период 平安 *Хэйан* (794-1185), практику прото коллегиальных собраний 合議 *го:ги*, которые чисто номинально существовали в рамках системы бакуфу, а также деревенские собрания 寄り合い *ёриай*³³. При изучении национализма необходимо иметь в виду эти прото демократические опыты, так как именно в их контексте японские ученые в своих работах часто говорят о революции Мэйдзи именно как об обращении к «старому опыту»³⁴.

Когда корабли Перри прибыли к берегам Японии, оказавшееся в полном замешательстве ставка бакуфу пошла на беспрецедентный шаг, обратившись к мнению даймё касательно вопроса целесообразности открытия страны. С этой точки зрения расширение практики обращения к

³³ Митани Хироси. Мэйдзи Исин то насёнаридзуму (Революция Мэйдзи и национализм). - Токио, 1997. с.11.

³⁴ Ито: Яхико. Исин то дзинсин (Революция и человек). - Токио, 1999. — с.43.

общественному мнению, хотя пока еще и не к мнению обычных людей, открыло доступ к возможности говорить о появлении своего рода открытой дискуссии — плодородной почвы для появления и развития новых мыслей в ученой среде.

Продвижением идей о развитии открытой дискуссии занимались известные на весь мир «Три великих героя» эпохи Мэйдзи: самураи 大久保 利通 Окубо Тосимити, 西郷 隆盛 Сайго Такамори и 木戸 孝允 Кидо Такаёси. Однако любое допущение простых людей к принятию важных для государства решений неизбежно служило бы вызовом традиционным устоям общества Эдо, чем сильно пугало даймё. В рамках старой Японии общество не было готово к расширению социальных рамок, страна готовилась к рождению «Новой Японии». В целом, для самураев как социального класса, который в какой-то период японской истории изжил сам себя, тема поиска новых смыслов была как никогда актуальной. Напротив — даймё, видевшие свое благополучие в сохранении старой системы, были естественно против высвобождения общественного мнения.

Упомянутый ранее Аидзава Сэйсисай, идеи которого во многом легли в основу новой идеологии Мэйдзи, неоднократно делал акцент на том, что для внедрения новой идеологии в обществе, прежде всего необходимо подготовить его, поработать над развитием его сознательности: каждый гражданин должен четко осознавал себя частью своего государства, четко осознавать все свои права, четко осознавать значение предстоящих реформ. По мнению Ито Хиробуми общество должно обязательно уважать власть при условии, что та, в свою очередь, делает все необходимое для защиты своих граждан. В центр новой системы совершенно логичным было поставить императора, ведь в умах людей он был тем самым элементом, который бакуфу отобрало у Японии, тем самым загнав ее в тяжелый кризис.

Аидзава призывал административную верхушку вернуться к старым китайским идеалам и начать образовывать народ, а сам народ призывал вернуться к старым японским ценностям синтоизма, что опять же вполне соответствовало бродящим в Японии, стоявшей на пороге Мэйдзи, настроениям «обращения к традиции».

В противовес «оборонительному» мышлению Аидзава выступил либеральный мыслитель 福澤 諭吉 Фукудзава Юкити. По его мнению, у Японии было недостаточно сил для сопротивления царящим в мире экспансионистским тенденциям. Зачем грести против течения, если можно поплыть прямо по нему и попытаться обогнать остальных. Именно эта мысль совершила переворот в истории японского национализма, ведь на ее основе 伊藤 博文 Ито Хиробуми — еще один из лидеров Мэйдзи, сумел наконец начать работу над построением идеологии, которая в дальнейшем легла в основу новой Японии.

Фактически, лидеры революции Мэйдзи своими решительными действиями спасли Японию от возможного экономического и политического коллапса, однако, с точки зрения культуры и идеологии, Мэйдзи нанесла некоторый урон исторической преемственности государства. Ориентация на Запад выявила слабые места Японии, тем самым вызывая всеобщее «чувство неполноценности». Это в дальнейшем приведет к радикализации национализма, а затем и к рождению милитаризма, что опять же является темой уже другой работы.

Революция Мэйдзи в истории Японии – индикатор оформления национализма в самостоятельный идеологический комплекс. В стремлении приобрести международный авторитет после избавления от унижительных для японцев Ансэйских договоров, заключенных еще Токугава, после Мэйдзи Япония держала курс на присоединение к колониальным державам. Идеологи Мэйдзи четко осознавали, что такой державой может стать только либеральное государство с внутренней и

внешней свободой действий. Таким образом Япония должна была стать «просвещенным государством», сдерживающим политику деспотических государств-наций, используя в качестве главного рычага воздействия торговлю и мирную колонизацию. С одной стороны «просвещенные государства» могли участвовать в создании мирной и стабильной международной обстановки, с другой стороны растущая военная мощь сильнейших держав не могла не беспокоить более отсталые и слабые страны.

Английский ученый Джон Милль в своей работе «О свободе» представил теорию о «просвещенном национализме», разделив страны на сильные и слабые, оправдывая экспансионистскую политику первых в отношении вторых. Среди слабых стран Милль выделял прежде всего страны азиатского региона. Ито Хиробуми в свою очередь посчитал эту теорию достаточно удачной, ведь идея «просвещенного общества», к которому семимильными шагами шло японское правительство, идеально соответствовала идее «просвещенного национализма», в рамках которого Япония смогла бы осуществить все свои самые смелые планы.

Подводя итоги, можно сказать, что японский национализм своими корнями уходит в эпоху Эдо, в которую Япония, закрывшаяся от всего мира на 200 лет, столкнулась с необходимостью быстро нагнать упущенное и встроиться в международную систему отношений. Принимая во внимания эту информацию, можно сказать, что национализм для японцев стал, во-первых, служить в качестве оборонительного механизма, который позволял четко отделить «свое» от «чужого». Во-вторых, Японии как глубоко архаичной державе, находившейся в начале XIX века в глубоком системном кризисе, просто необходимы были изменения в политической и экономической системе. Революция Мэйдзи, которая ознаменовала эти самые изменения, идеально встроила в себя национализм уже не как средство защиты, а как способ подготовки к

нападению — способ перестроить Японию с позиции жертвы колониальной системы мироустройства на позицию империалистического гиганта. В-третьих, учитывая все перечисленные ранее особенности национализма, он идеально встроился в традиционное для японцев видение мира — конфуцианско-синтоистский комплекс со своими особенностями, выделяющими японскому императору «божественную родословную» и совершенно особенное место в благополучии как самой Японии, так и самого японского народа. По сути, фигура императора занимает ключевое, если не главное место, в японской националистической пирамиде.

Глава 3: НАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Несмотря на то, что темой работы является «Национализм в современной Японии», большая ее часть посвящена изучению ключевых особенностей национализма в целом и конкретно японского национализма в частности, а также истории зарождения национализма как идеологии в Японии и трансформации его из тревожных мыслей о будущем страны в базис национальной политики Японии не просто так. Утверждение, авторство которого приписывается Ксенофону: «История развивается по спирали», – с легкостью можно применить и к истории японского национализма. Вот почему для того, чтобы хорошо понимать вектор развития его современного «витка», необходимо было сначала разобраться в том, как именно он развивался до этого.

После поражения Японии во Второй Мировой войне национализм стал считаться чем-то постыдным и зловещим, так как считался одной из основных предпосылок столь агрессивного и враждебного поведения Японии по отношению к другим странам. Разработанная американцами Конституция Японии 1947 года, заменившая Конституцию Мэйдзи, в 9 статье провозглашавшая обязанность Японии отказаться от войны как способа разрешения международных конфликтов, стала своего рода символом новой, свободной от национализма Японии: «Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров. Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и

другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается»³⁵.

В соответствии с этой Конституцией, новые вооруженные силы Японии, которые отныне назывались 自衛隊 *дзиэйтай* (Силы самообороны Японии), могли лишь заниматься защитой Японии от прямой военной угрозы, но не имели право оказывать какую-либо военную помощь союзникам, подвергшимся нападению³⁶.

Находившееся в состоянии глубокого эмоционального потрясения после событий августа 1945 года население Японии опасалось, что страна вновь может пойти по пути милитаризма, поэтому новую Конституцию приняло смиренно и с долей облегчения. Можно даже говорить о том, что японцы стали гордиться новой ролью Японии как «хранителя мира во всем мире».

За более чем 70 лет «военного воздержания», Япония внесла значительный финансовый вклад в ООН, Всемирный банк, Азиатский банк развития, стала источником больших инвестиций в экономику стран-соседей, а также поспособствовала повышению авторитета азиатского региона на международной политической арене своими экономическими достижениями, культурной стратегией «Cool Japan» и так далее. Тот факт, что Китай и Южная Корея продолжают вспоминать Японии ошибки Второй Мировой войны, для японцев кажется несправедливым и неактуальным³⁷.

Как уже было сказано во второй главе, национализм как идеология в Японии изначально исполнял роль защитного механизма — инструмента противостояния сильнейшим державам. Однако в новой послевоенной расстановке сил Япония оказалась под своего рода «протекторатом» США:

³⁵ Конституция Японии, Конституции государств (стран) мира: [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=37>. (Дата обращения: 25.02.2022).

³⁶ Kitaoka S. A new role for Japan's military // New York Times. – 2015. – 4 June.

³⁷ Hayashi Y. Tensions in Asia stoke rising nationalism in Japan // Wall Street Journal. – 2014. – 26 February.

международный лидер — одна из двух самых могущественных мировых держав буквально взяла на себя обязательства по защите Японии. Таким образом, можно ли говорить о том, что отказ от насилия – пацифизм в Японии, как и навязанная 9 статья, смогли так долго оставаться актуальными лишь благодаря тесному контакту Японии с США?

В 2000 году в Японии был проведен масштабный опрос населения, который выявил изменения в восприятии Японии себя как страны и своих соседей по Азиатскому региону, а также отношения к этим соседям и видения своей роли во взаимоотношениях с ними. В 2000 году 41% японского населения поддержал поправку к 9 статье Конституции, но всего через 12 месяцев этот показатель достиг уже 47% процентов, что говорит о беспрецедентно быстром росте переосмысления японцами направления развития своей страны³⁸.

Важным толчком для более открытого выражения националистических устремлений стала частая и быстрая перестановка политических сил в регионе. Соседство с амбициозными Китаем и Северной Кореей с каждым годом становится все более напрягающим для безоружной Японии. В 2002 году японские военно-морские силы обстреляли и потопили северокорейский корабль, который незаконно вошел в территориальные воды Японии, что стало первым со времен Второй Мировой войны случаем, когда Япония потопила иностранное судно³⁹. Этот инцидент вполне можно считать показательным с точки зрения изменения отношения японцев к вопросу о защите своей страны. Что касается китайской агрессии, многими учеными именно она считается одной из основных причин нынешнего роста националистических настроений в Японии. В 1992 году китайское правительство приняло закон о

³⁸ Matthews, E. A. (2003) 'Japan's new nationalism', *Foreign Affairs*, 82(6), pp. 74-90. Council on Foreign Relations.

³⁹Ibid.

территориальных водах, согласно которому Китай в одностороннем порядке провозгласил, что японские острова 尖閣諸島 *Сэнкаку-сёто*: отныне принадлежат Китаю, тем самым сделав открытую попытку вмешаться в целостность Японии.

Далее последовало объявление Китаем опознавательной зоны ПВО — так называемой, ADIZ, которая опять же стала охватывать зону островов Сэнкаку, чем вызвала шквал недовольства в Японии. Хотя Китай всячески поддерживает опасения по поводу роста националистических тенденций в Японии, сам лишь разжигает эти настроения. Напряженные отношения с Южной Кореей также только способствуют росту волнения японцев за будущее своей страны. Ряд азиатских стран, в том числе Индия, Вьетнам и Филиппины, также обеспокоенные стремительно увеличивающимся влиянием Китая, а поэтому с большой вероятностью будут готовы принять сторону Японии⁴⁰.

Что касается внутренней политики, на протяжении всей второй половины XX века любые попытки как-либо скорректировать формулировки 9 статьи Конституции стойко отклонялись, а политические деятели в своей риторике старались избегать любых разговоров о перевооружении⁴¹. Наоборот, японское правительство обязывало себя любыми силами защищать либерализм и порядок, от которого Япония ранее отказалась.

Синтаро Исихара, который 4 раза подряд занимал пост губернатора Токио, в период с 1999 по 2012 год, стал первым из современных деятелей, который приложил много усилий для того, чтобы теоретически придать национализму более благоприятную форму, в которой население Японии

⁴⁰ Fackler M., Sanger D. Japan announces a military shift to thwart China // New York Times. – 2014. – 1 July.

⁴¹ Matthews, E. A. (2003) 'Japan's new nationalism', Foreign Affairs, 82(6), pp. 74-90. Council on Foreign Relations.

смогло бы увидеть достойную альтернативу вечному принуждению чувствовать себя «виноватыми» перед Западом.

Однако гораздо более известен популяризацией национализма 小泉純一郎 Коидзуми Дзюнъитиро — премьер-министр Японии в 2001-2006, который открыто начал посещать храм Ясукуни⁴², пересматривать учебную программу на предмет достаточной обогащенности патриотизмом, а также заявлять претензии на острова Сэнкаку, которые в 1992 году отошли к Китаю. Действия Коидзуми вызвали много недовольств как в самой Японии, так и за ее пределами, а его политику называли пережитками прошлого. Именно в этот период отношения Японии с соседними Китаем, КНДР, Южной Кореей и Филиппинами накалились до предела.

Несмотря на всю провокационность действий Коидзуми Дзюнъитиро, именно приход к власти его преемника Абэ Синдзо в 2006 году действительно ознаменовал официальный переход администрации к про националистическим настроениям. Опубликованная в статье «Tensions in Asia stoke rising nationalism in Japan» (Накал ситуации в Азиатском регионе спровоцировал рост национализма в Японии) статистика, касающаяся анализа японской читательской аудитории, гласила: 40% читателей японского националистического еженедельника составляли женщины в возрасте от 20 до 30 лет. Эта цифра удивляет, ведь женщины, тем более столь молодые, редко увлекаются политикой и идеологией, к тому же 30-40 годами ранее основной аудиторией подобных журналов считались мужчины 50 лет и старше — люди, которые застали Японию другой⁴³.

⁴² Храм Ясукуни 靖國神社 *Ясукуни-дзиндзя* (храм мира в стране)— расположенное в Токио синтоистское святилище, которое выполняет функции центра религиозных церемоний религии синто. Однако в отличие от других храмов синто, в Ясукуни поклоняются не богам-ками, а душам воинов, погибших за Японию и императора(включая и тех, кто совершил военные преступления).

⁴³ Hayashi Y. Tensions in Asia stoke rising nationalism in Japan // Wall Street Journal. – 2014. – 26 February.

В этой же работе приводятся данные опроса японской молодежи, которая призналась, что поводов испытывать гордость за свою страну у них крайне мало, объясняя это постоянным накалом атмосферы перманентной «вины» Японии за события Второй Мировой войны⁴⁴.

Если подробнее говорить про конкретные политические реформы Абэ, которые определили ход развития современной версии японского национализма, то самым смелым решением, на которое решился политик, стали поправки к 9 статье Конституции 1947 года, однако проходили они не совсем гладко. Вместо того, чтобы соблюсти все законодательные тонкости и провести свою инициативу по изменению 9 статьи через парламент, кабинет министров, а затем всенародный референдум, решение было вынесено исключительно кабинетом министров, который назначается самим премьер-министром⁴⁵. По словам самого Абэ, возможность вернуть японцам право защищать территорию, моря и небо, которые по праву принадлежат им, была всей целью его жизни, которую он наконец смог претворить в жизнь⁴⁶.

Упомянув кабинет министров, стоит также сказать о перестановке 3 сентября 2014 года (первая со времени вступления в должность в 2012), инициированной самим Абэ Синдзо. Пятнадцать новых членов кабинета министров из девятнадцати являлись выходцами из организации *日本会議* *Nippon Kaiji* — ультранационалистической, ультраконсервативной, ультраправой организации, созданной в 1997 году, которая в своей программе главной ценностью объявляет сохранение японской традиции, японского национального характера, в центре которых находится императорский дом⁴⁷.

⁴⁴ Hayashi Y. Tensions in Asia stoke rising nationalism in Japan // Wall Street Journal. – 2014. – 26 February.

⁴⁵ Chelala C. Abe is wrong to rush towards militarization // Japan Times. – 2015. – 15 August.

⁴⁶ Tabuchi H. With shrine visit, leader asserts Japan's track from pacifism // New York Times. – 2013. – 27 December. – Section A, Page 4.

⁴⁷ Kato N. Tea Party politics in Japan // New York Times. – 2015. – 12 September.

Мнения общественности о столь самовольном поступке Абэ разделились: часть общественности все же придерживалась мнения, что подобные инциденты не несут угрозы для демократии в Японии, а новые поправки, разрешающие Японии применять право на коллективную самооборону, все же нельзя считать предпосылками к откату к милитаризму. Правительственные чиновники называли действия Абэ оправданными перед лицом китайской агрессии и активного наращивания военного потенциала. Другая половина общественного пространства не смогла закрыть глаза на пренебрежение законом со стороны главного государственного лица и посчитали принятие новой поправки превышением полномочий, говоря о том, что Японию нельзя считать демократическим государством, раз мнение самих японцев по таким важным вопросам не учитывается.

В конце 2015 года в Японии прошла серия митингов в знак протеста против редактирования 9 статьи. Участники этого митинга открыто заявили о своей обеспокоенности новой политической траекторией Японии, как и тем фактом, что правительство всячески игнорирует обеспокоенность общественности⁴⁸.

Опрос, проведенный сразу же после принятия новых законопроектов о безопасности, показал, что уровень поддержки кабинета Абэ упал до 38,9% по сравнению с 44% месяцем ранее. 79% опрошенных заявили, что они обеспокоены тем, что не проводился общенациональный референдум, а значит мнение простых японцев при принятии нового закона просто не учитывалось. 53% респондентов выступили вовсе против принятия законопроекта, и лишь 34,15% его поддержали. Остальные предпочли воздержаться от высказывания четкой позиции по вопросу⁴⁹. При

⁴⁸ Osaki T. Thousands protest Abe, security bills at Diet rally // Japan Times Times. – 2015. – 30 August.

⁴⁹ Kyodo. Cabinet's approval rating sinks to 38.95 over unpopular security laws // Japan Times Times. – 2015. – 20 September.

изучении приведенных данных становится понятно, что несмотря на протесты против принятия новых законов и выражения несогласия с новым политическим вектором, значительная часть японцев все-таки чувствуют необходимость в каких-то изменениях.

Говоря о проценте людей так или иначе поддерживающих национализм, стоит учитывать и демографический фактор. 4% японского населения погибло во время Второй Мировой войны (для сравнения, во время Гражданской войны в США погибло всего 2% населения)⁵⁰. Оставшиеся в живых японцы навсегда запомнили ужасы, которые принесла Вторая Мировая война, поэтому вряд ли при жизни стали бы поддерживать какие-либо доктрины, хотя бы отдаленно своими амбициями напоминающие фашизм. В свою очередь люди, родившиеся в послевоенное время, уже не были обременены мрачными воспоминаниями об опыте войны, а поэтому естественным образом более склонны к поддержке усиления военных амбиций Японии. Кроме того, утрата номинальной роли регионального лидера в пользу Китая одновременно вызвала негодование и сильно подорвала доверие японцев к правительству, тем самым только укрепляя мнение националистов о неизбежности наращивания военной мощи. Проблема старения общества, вызванная маленькой продолжительностью послевоенного беби-бума в Японии, а также некоторыми особенностями иммиграционной политики и отношением к бракам с иностранцами в целом, затронула все сферы жизни общества: обнажились пробелы в политике социальной поддержки, а вернее в ее неэффективности и несвоевременности. Японские власти не сумели создать подушку безопасности для сложившейся дефляции, а поэтому сейчас вынуждены размышлять над тем, как улучшить ситуацию с социальным обеспечением

⁵⁰ Kato N. Japan's break with peace // New York Times. – 2014. – 16 July.

для пожилых людей, где искать рабочую силу, а также как вовлечь молодежь в решение вопросов, которыми кроме них скоро будет некому заниматься. В 2015 году Абэ Синдзо снизил возрастной ценз на голосование с 20 до 18 лет (совершеннолетие в Японии наступает в 20 лет), тем самым стараясь оживить интерес молодых людей к политике. Возможно, именно в молодежи Абэ Синдзо увидел относительно мобильную социальную силу, которая не обременена тяжелыми воспоминаниями о прошлом, но напротив ощущает острое отставание Японии, которое неизбежно сказывается на их уровне зарплат — уровне жизни в целом.

Помимо редактирования Конституции, Абэ инициировал создание консультативного совета по национальной безопасности по образцу Совета национальной безопасности США. Также были приняты новый 5-летний план обороны и 10-летняя стратегия обороны, были расширены возможности военно-морских сил и береговой охраны Японии, введен закон о сохранении государственной тайны, позволяющий правительству самостоятельно решать, какие данные могут быть засекречены как часть стратегии национальной безопасности, крайне правые политики были назначены в совет управляющих НК, а государственные расходы на оборону увеличены в несколько раз.

Национализм будучи в каком-то смысле стремлением к доминированию определенной нации на глобальном уровне, можно считать не только двигателем политических, но и экономических реформ. Невероятный успех японской экономики после Второй Мировой войны нанес на Японию отпечаток новой идентичности мировой экономической державы, который сделал страну настоящим примером для подражания. Однако резкий спад темпов развития в 1990-х и 2000-х годах на контрасте с успехом, продолжавшимся с 1950-х до 1973 года, сделал неудачи Японии крайне болезненными для ее населения. Если брать во внимание

то, что было сказано ранее, Япония после войны стала страной, политический авторитет которой был сдержан 9 статьей Конституции, поэтому весь потенциал развития на протяжении долгого времени был обращен на экономический сектор. В таких условиях экономика компенсировала политическую и военную «неполноценность», подарив Японии шанс реализовываться в других областях. Однако когда экономический сектор стал стремительно проседать, проблема сдерживания военного потенциала стала чувствоваться гораздо более остро, а затем и вовсе вышла на первый план.

Активная апелляция к националистическим чувствам населения, к которым премьер-министр Абэ многократно прибегал в своих обращениях, имела еще большее влияние в контексте риторики необходимости возобновления экономического влияния Японии. Тем более, что известная всем цель Абэ Синдзо построить более могущественную Японию вполне хорошо сочеталась с его абэномикой. Сам премьер-министр Абэ говорит о том, что новый виток роста японской экономики может стать своеобразной компенсацией оскорбления гордости Японии, которую в 2010 с поста второй по величине экономической державы потеснил Китай⁵¹.

Одним из наиболее успешных способов, которые использовала ЛДПЯ для продвижения националистических настроений в Японии, стала реформа образования 2014 года⁵². Националисты во главе с Абэ активно выступали за изменения в системе образования Японии, чтобы способствовать развитию патриотизма с ранних лет, не позволяя образу Японии — виновницы всемирных бед укрепиться в головах детей⁵³. Новые стандарты для учебников начальной, средней и старшей школ требуют

⁵¹M. Estevez-Abe, "Feeling Triumphant in Tokyo The Real Reasons Nationalism Is Back in Japan," *Foreign Affairs* 93, no. 3 (2014): 165–71.

⁵²Kato N. Japan's break with peace // *New York Times*. – 2014. – 16 July.

⁵³Fackler M. Amid Chinese rivalry, Japan seeks more muscle // *New York Times*. – 2013. – 18 December . – Section A, Page 8.

обязательного включения в школьную программу материалов, отражающих националистическую позицию правительства касательно исторических и территориальных вопросов⁵⁴. Новые стандарты образования не вызвали значительного сопротивления со стороны общественности, что несомненно также отражает нарастающие настроения коллективной тревоги по поводу более агрессивного отношения Китая к Японии.

Помимо реформы школьного образования, правительство выпустило так называемую «Директиву 86», согласно которой в 86 национальных университетов было направлено распоряжение Министерства образования Японии, согласно которому университеты были обязаны либо упразднить гуманитарные факультеты вовсе, либо реструктуризировать их⁵⁵. По мнению правительства, гуманитарное образование перестало отвечать потребностям общества. Однако по своей сути реформа стала означать ничто иное как смену политического вектора развития в сторону ухода от принципов либеральных свобод. Заявляя о том, что государство не заинтересовано в том, чтобы студенты получали гуманитарное образование, Япония как бы автоматически заявляет и о том, что ей не нужны специалисты-переводчики или специалисты-дипломаты, которые владели бы навыком общения на иностранных языках: новый политический вектор Японии направлен на внутреннее развитие, а не на дипломатические сношения с другими государствами, что также можно рассматривать как уклон к националистическому нарративу.

За посещением японскими политиками храма Ясукуни, изменением 9 статьи, реформой образования последовала крупная волна критики по всему миру, что несомненно разжигает чувство несправедливости в

⁵⁴ Fackler M. Amid Chinese rivalry, Japan seeks more muscle // New York Times. – 2013. – 18 December . – Section A, Page 8.

⁵⁵ Kitaoka S. A new role for Japan's military // New York Times. – 2015. – 4 June.

японцах. Нынешнее молодое поколение, которое никогда не принимало участия в военных действиях, родители которых также не принимали участия в этих событиях, могут оказаться озадаченными необходимостью вечно извиняться за то, к чему никакого отношения они никогда не имели. В своем обращении по случаю 70-летия окончания Второй Мировой войны в Тихо-азиатском регионе Абэ Синдзо заявил: «Мы не должны позволять, чтобы наши дети, внуки и последующие поколения, которые не имеют отношения к этой войне, должны были извиняться»⁵⁶.

Изучение различных причин, по которым Япония движется в сторону националистических настроений позволяет предположить, что нынешние настроения кардинально отличаются от того национализма, который подпитывал агрессивные экспансионистские настроения в 1930-1940. В отличие от ультранационализма того периода, новый национализм не подразумевает желания отомстить за нанесенные обиды или добиться новой волны военной экспансии. Внешне все выглядит так, будто национализм нужен Японии в качестве защитного механизма, как это было в период Эдо.

Более того, реакция общественности на новую интерпретацию 9 статьи кабинетом Абэ дает представление о том, что хотя с одной стороны японцы действительно все еще переживают коллективную вину и ответственность за события Второй Мировой войны, с другой стороны стараниями правительства национализм всеми силами стараются мягко популяризировать. Новый японский национализм является вполне ожидаемым и логичным ответом на происходящие внутри и за пределами Японии изменения: рост мощи Китая, требование со стороны США взять

⁵⁶ Абэ принес извинения за действия Японии во Второй мировой войне: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/460269>. (Дата обращения: 13.03.2022).

на себя новые обязательства по обеспечению безопасности, экономический кризис и так далее. За прошедшие 70 лет японцы сильно поменяли видение себя как нации, осознавая свой множественный вклад в развитие мира во всем мире.

Национализм, о котором идет речь развивается под влиянием многих факторов: геополитическая обстановка в азиатском регионе, изменение общественного настроения, стремление правительства активно распространить националистически направленную повестку, поэтому его смело можно назвать новой нормой в современной Японии и то, как события будут развиваться дальше, покажет время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно сказать, что появление национализма в Японии, а также его развитие носят сложный и уникальный характер. Несмотря на то, что начал он формироваться задолго до Нового времени, и в протоформах опирался прежде всего на патерналистские мифы синто: сакральные значения фигуры императора и его божественное происхождение, своими истоками японский национализм прежде всего упирается в исторические особенности развития Японии: политику изоляции, относительно позднее появление практики учитывания общественного мнения в решении государственных вопросов.

По мере изменения международной ситуации японский национализм прошел долгий путь от идеологии, выполняющей роль защитного механизма, до инструмента приобретения международного влияния — способа интеграции Японии в международное сообщество.

Маленькое островное государство, которое на протяжении долгого времени развивалось по своим собственным канонам, а в какой-то момент сознательно полностью изолировало себя от всего внешнего мира, столкнулось с жестокой реальностью, где мир разделился на «сильных» и «слабых». Осознавая всю серьезность последствий возможного присоединения к «клубу слабых», японское правительство позаботилось о том, чтобы разработать своего рода идеологию-основу для новой Японии, которая имеет авторитет в международном сообществе, одерживая успехи в различных сферах развития.

Несмотря на то, что существует мнение, согласно которому национализм своим появлением в Японии обязан лишь революции Мэйдзи, стоит уточнить, что это не совсем правда. Политическую мысль конца эпохи Эдо можно назвать обширной и разнообразной, а движение *кокугаку* без сомнений можно воспринимать как одну из попыток осмысления японцами себя как уникальной нации, прослеживания своих корней в

различных идеологических и философских аспектах, а значит и осознания уникальной и неповторимой ценности Японии как полноценной державы.

С самого своего зарождения, идеология развивалась по одному и тому же сценарию: радикализация с наступлением опасности — «режим защитного механизма» и либерализация в периоды затишья — «режим рычага влияния».

В XXI Азиатско-Тихоокеанский регион становится настоящим полем соперничества за влияние между США и Китаем, которое вне всякого сомнения напоминает события так называемой «холодной войны» между США и Советским союзом. Масштабные провокации Китая по отношению к Японии лишь обостряют и без того накаленную ситуацию. В условиях, когда США больше не может обеспечить Японии тот надежный тыл, на который страна привыкла рассчитывать на протяжении долгого времени, перед японскими политиками возникла острая задача пересмотра тактики обороны.

Из всего вышесказанного логично вытекает решение японского правительства внести изменения в послевоенную Конституцию, ведь только так Япония смогла получить возможность обеспечить себя «военной подушкой», без которой чувствовать себя комфортно в современном мире достаточно непросто, учитывая хотя бы соседство с крохотной, но крайне амбициозной Северной Кореей.

Продолжающаяся на протяжении многих лет травля японцев как инициаторов жестокости и агрессии во времена Второй Мировой войны так или иначе сглаживалась помощью со стороны США, успехами Японии в сфере экономики, а также чувством коллективной вины. Однако когда экономика страны перестала представлять собой объект гордости, а главный союзник все чаще стал намекать на необходимость становиться самостоятельнее, обращение к национализму, как средству, которое много

лет назад помогло Японии кардинально преобразиться, не является чем-то удивительным.

В конце концов, утверждение о том, что национализм может существовать только в крайне агрессивных и деструктивных формах не может считаться верным. До тех пор пока он служит средством укрепления внутренней стабильности в стране и стабилизации политической, экономической и социальной сфер, поводов для волнения у международного сообщества мало. Однако если однажды национализм привел Японию к столько плачевным ситуациям, не повторится ли это снова? Сможет ли японское правительство выстроить свою политику так, чтобы национализм оставался в рамках разумного роста? На эти и другие вопросы ответить пока тяжело, поэтому их можно назвать перспективными для дальнейших исследований.

Национализм на протяжении всей японской истории играл две противоречащие друг другу роли: с одной стороны он служил идентификатором особой чувствительности японцев к защите собственного суверенитета, с другой же стороны, инструментом роста собственного влияния с потенциальной возможностью угнетения суверенитета других государств-наций. Японцы, которые не могли представить себя частью Западной колониальной системы, кажется, боялись попасть в зависимое положение, именно поэтому японский национализм был изначально обречен развиваться в политическом ключе, тогда как «культурному национализму» в истории Японии не оставалось места. Культурный национализм по всей видимости не обладал той необходимой энергией, способной консолидировать японское общество, предоставить ему чувство защищенности, обозначить коллективное начало японского общества. Такие задачи под силу было решить лишь «политическому национализму».

Национализм и нация в Японии приобрели и сохранили свое значение лишь благодаря своей тесной связи с государственным институтом. С самого начала своего существования, японский национализм не существовал вне рамок единой государственной власти. Японцы отождествляют себя и свою «идентичность» с вполне конкретным государством-нацией, с которым они ощущают сильную психологическую связь.

В отличие от Европы, где национализм являлся неотъемлемой частью демократического движения, в Японии ситуация развивалась по другому сценарию. В моменты включения «режима защиты», о котором ранее говорилось в работе, японский национализм принимал весьма агрессивный характер. При этом нельзя сказать, что он развивался как реакция на авторитарные, милитаризованные действия государства, которое беспрепятственно вторгалось в семейную жизнь японцев, религию и систему образования, подчиняя их своим интересам. Национализм формировался властями Японии тщательно и очень выверенно: необходимо было интегрировать его в уже существовавшую на тот момент теорию *кокугаку*, при этом привнеся в нее аспект защиты частных и национальных интересов государства в качестве единого целого.

Японский государственный национализм на современном этапе его развития – это комплекс идеологических воззрений и политической практики японских властей, в которой центральное место отводится манипуляции массовым сознанием японцев от имени нации и ради ее блага. Властям удается достаточно эффективно вплетать национализм в стремительно меняющийся исторический контекст, придавая ему новые очертания, но тщательно стараясь не изменить его содержание.

Как и было сказано ранее, национализм в Японии приобрел новую форму. По крайней мере, японское правительство делает все, чтобы складывалось такое впечатление. Точно так же, как и в XIX веке, когда

национализм помог Японии адаптироваться в стремительно глобализирующемся мире, сейчас он также играет своего рода стабилизирующую роль. В мире постоянно рождаются новые идеологии, которые потенциально могут навредить как внутренним порядкам в стране, так и идеологическим воззрениям, лежащим в ее основании, на построение которых японское государство потратило крайне много сил. В наше время тенденция к радикализации национализма уже заметна, возможно в будущем она проявится еще более наглядно. Так или иначе, об этом мы узнаем совсем скоро.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ:

Материалы на русском языке:

1. Жирмунский В. Жизнь и творчество Гердера // Жирмунский В. Очерки по истории классической немецкой литературы. — Л., 1972.
2. Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика). — М., 2012.
3. Михайлова Ю. Д. Общественно-политическая мысль в Японии 60 - 80- х гг. XIX в. — М., 1991.
4. Стрельцов Д.В. Япония в эпоху великих трансформаций. — М., 2020.
5. Тишков В.А. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс].— Национализм — Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc>, свободный.
6. Ярцев В.Н. Большая Российская Энциклопедия. - 2-е изд. [Электронный ресурс].— Национализм — Режим доступа: <https://bigenc.ru/> , свободный.

Материалы на английском языке:

7. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. — London, 1983.
8. Armstrong J. Nations before Nationalism. — North Carolina, 1982.
9. Chelala C. Abe is wrong to rush towards militarization // Japan Times. — 2015. — 15 August.
10. Dale P. The Myth of Japanese Uniqueness. — New York, 1986.
11. Dower J. Origins of the Modern Japanese State. — New York, 1975.
12. M. Estevez-Abe, “Feeling Triumphant in Tokyo: The Real Reasons Nationalism Is Back in Japan,” Foreign Affairs 93, no. 3 (2014): 165–71.

13. Fackler M. Amid Chinese rivalry, Japan seeks more muscle // New York Times. – 2013. – 18 December . – Section A, Page 8.
14. Fackler M., Sanger D. Japan announces a military shift to thwart China // New York Times. – 2014. – 1 July.
15. Hayashi Y. Tensions in Asia stoke rising nationalism in Japan // Wall Street Journal. – 2014. – 26 February.
16. Heywood, A. Political Ideologies — New York, 2007.
17. Kato N. Japan's break with peace // New York Times. – 2014. – 16 July.
18. Kato N. Tea Party politics in Japan // New York Times. – 2015. – 12 September.
19. Kingston J. Abe government targets the liberal arts // Japan Times. – 2015. – 26 September.
20. Kitaoka S. A new role for Japan's military // New York Times. – 2015. – 4 June.
21. Kohn H. The Idea of Nationalism. — Washington, 1994. № 3.
22. Kohn H. The Idea of Nationalism. A Study in Its Origins and Background. — Washington, 1994. № 41-42.
23. Kyodo. Cabinet's approval rating sinks to 38.95 over unpopular security laws // Japan Times Times. – 2015. – 20 September.
24. Levy J.D.. The state after statism : new state activities in the age of liberalization. — Cambridge, 2006.
25. Matthews, E. A. (2003) 'Japan's new nationalism', Foreign Affairs, 82(6), pp. 74-90. Council on Foreign Relations.
26. Osaki T. Thousands protest Abe, security bills at Diet rally // Japan Times Times. – 2015. – 30 August.
27. Ravina Mark. Land and Lordship in Early Modern Japan. – Stanford: Stanford University Press, 1999.
28. Scott J. Seeing Like a State: How Certain Schemes To Improve The Human Condition Have Failed. — New Haven, 1998.

29. Seton-Watson H. Nations and States. — London, 1977.
30. Smith A. National Identity. — Reno: University of Nevada Press, 1991.
31. Smith A. Nationalism and Modernism.. — Routledge, 1998.
32. Tabuchi H. With shrine visit, leader asserts Japan's track from pacifism // New York Times. — 2013. — 27 December. — Section A, Page 4.
33. Tamir Y. Liberal Nationalism. — Princeton, 1993.
34. Tilly C. Citizenship, Identity and Social History, International review of Social History Supplement. — Cambridge, 1995.
35. Weston Mark. Giants of Japan: The Lives of Japan's Greatest Men and Women. — New York: Kodansha. 2002.

Материалы на японском языке:

36. Ито Яхико. Исин то дзинсин(Революция и человек). — Токио, 1999.
37. Кано Масанао. Киндай нихон сисо: аннай (Путеводитель по современной японской мысли). — Токио, 1999.
38. Митани Хироси. Мэйдзи Исин то насёнаридзуму (Революция и человек). — Токио, 1997.
39. Сакамото Такао. Мэйдзи кокка-но кэнсэцу (Построение государства Мэйдзи). — Токио, 1996.

Интернет ресурсы:

40. Абэ принес извинения за действия Японии во Второй мировой войне: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/460269>. (Дата обращения: 13.03.2022).
41. Кокусэки тикибэцу дзайрю: сикаку (дзайрю: мокутэки) бэцу дзайрю: гайкокудзин «国籍・地域別 在留資格(在留目的)別 在留外国人». (Иностранные резиденты в Японии по национальности и региону проживания (цели проживания)) докурицугё:сэйхо:дзин то:кэй сэнта 独立行政法人統計センタ

(Национальный статистический центр) [Электронный ресурс]. URL: www.e-stat.go.jp/stat-search/. (Дата обращения: 29.12.2021).

42. Конституция Японии, Конституции государств (стран) мира: [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=37>. (Дата обращения: 25.02.2022).